

Политологический репортаж

МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

И.М. Клямкин
Фонд «Либеральная миссия»

Аннотация: *Продолжаем публикацию дневниковых текстов профессора И.М. Клямкина в Фейсбуке. В этом номере представлены записи с сентября по ноябрь 2018 г. В них автор продолжает рассматривать намерения российских властей осуществить технологический и социально-экономический прорыв и подготовку к его осуществлению, оценивает перспективы этого политического курса, финансовое обеспечение которого в значительной степени возложено на население. Во внешней политике И.М. Клямкин по-прежнему много внимания уделяет украинскому направлению — в публикуемых текстах анализируются события, свидетельствующие о ставшей окончательно очевидной несогласуемости позиций в минско-нормандском переговорном формате и исчерпанности миротворческого потенциала самого этого формата. Украинская тема затрагивается и в критических заметках об умонастроениях в российской либеральной среде, где незавершенность украинских реформ начинает интерпретироваться, как их провал. Динамика общественных настроений интересует автора и в ряде других текстов — в частности, касающихся истории и восприятия ее различных аспектов. И.М. Клямкин активно участвовал в сетевых дискуссиях, вызванных 25-летней годовщиной трагических событий осени 1993 года, привлекая для обоснования отстаиваемой позиции и свои тексты прежних лет. Очередная подборка его заметок заслуживает, на наш взгляд, внимания тех, кого интересует происходящее в стране и его концептуализация.*

Ключевые слова: *Россия, Украина, технологический прорыв, Минские соглашения, выборы на Донбассе, российские либералы.*

Об убийстве Захарченко (1 сентября). Хочу привлечь внимание к тому, что убийство главы ДНР¹ произошло в определенной политической ситуации. В начале ноября истекает срок полномочий законодателей и глав ДНР и ЛНР, избранных в 2014 году. Согласно конституциям самопровозглашенных республик, должны быть проведены новые выборы. Однако они несовместимы с «Минском-2», как несовместимы были с «Минском-1» выборы 2014 года. Фактически их проведение означает односторонний разрыв Донецка и Луганска с

¹ Глава ДНР А. Захарченко погиб в результате взрыва взрывного устройства, установленного внутри кафе «Сепар» в Донецке.

минскими договоренностями, а у Москвы нет аргументов, чтобы правомерность таких выборов отстаивать. Но и не проводить их ни в Донецке с Луганском, ни в Москве позволить себе не могут. И эту ситуацию не мешает, думаю, учитывать, читая и слушая заявления представителей разных сторон после убийства Захарченко.

О четвертой годовщине «Минска-1» (5 сентября). Ровно четыре года после подписания первых минских соглашений. Есть смысл вспомнить об одной из причин, их выполнение исключивших. Намеченное ими политическое урегулирование не состоялось и не могло состояться в том числе и потому, что одной из сторон соглашения почти сразу после подписания были нарушены.

Уже в сентябре 2014-го в Донецке и Луганске объявили о проведении выборов глав республик и законодательных собраний ДНР и ЛНР. И 2 ноября того же года они были проведены. В дни, предшествовавшие голосованию, Вашингтон, Брюссель и даже генсек ООН выступили с жесткими предупреждениями: это нельзя делать, это вопреки договоренностям, которыми такие выборы не предусматривались. Как не предусматривалось, добавлю, и само существование ДНР и ЛНР. Однако в Донецке, Луганске и Москве от предупреждений отмахнулись, заявив, что действуют не только не вопреки минским соглашениям, но и во имя их выполнения. А после того, как в Киеве и западных столицах обнаружилась неготовность такую логику воспринимать и понимать, ее правоту стали аргументировать возобновлением широкомасштабных военных действий.

Они были остановлены инициированным лидерами Германии и Франции «Минском-2», который по замыслу должен был обеспечить жизневоплощение (имплементацию) «Минска-1». Но этот «Минск-2» стал возможен только потому, что на выборы, опрокинувшие «Минск-1», европейские миротворцы ради прекращения войны закрыли глаза. Они искали компромисс, а компромисса между Киевом и Москвой относительно этих выборов быть не могло. Однако камень преткновения, обойденный на бумаге, почти сразу дал о себе знать: предписанное на бумаге обнаружило свою невыполнимость.

А вспоминаю об этом потому, что такие «камни», тактически обойденные в политике, удерживаются в памяти времени, которое может о них напомнить. Писал уже, что через два месяца срок полномочий всех донецких и луганских властей, в обход украинских законов выбранных 2 ноября 2014 года, истекает. После чего эти власти станут незаконными даже по сочиненным в Донецке и Луганске собственным законам. Тем более, что нынешние главы ДНР и ЛНР вообще не избирались — один назначен законодателями вместо убитого Захарченко, а другой — еще в прошлом году вместо изгнанного Плотницкого. Так что надо проводить выборы, а проводить выборы...проводить выборы — значит признать самих себя тем самым камнем преткновения, который имплементацию минских договоренностей исключает. То есть, открыто ими пренебречь, не рассчитывая, что в Берлине и Париже согласятся закрыть на это глаза вторично.

Еще в конце июля в самопровозглашенных республиках слышны были голоса о готовности провести выборы, пренебрегая голосами из-за рубежа. Но уже в августе, еще до убийства Захарченко, стали призывать эти выборы — и глав республик, и законодательных собраний — на год перенести. Правда, кто именно их может и должен перенести, не говорят. И не могут сказать, потому что даже по донецко-луганским законам нет у властей таких полномочий, чтобы продлевать собственные полномочия.

Официальная Москва по этому поводу пока не высказывается. Не исключаю, что и от советов своим донецко-луганским союзникам воздерживается, ибо не знает, что посоветовать. И с партнерами по нормандскому формату встречаться не хочет, ибо с ее версией насчет вины Киева в невыполнении минских договоренностей они не соглашаются, считая виновной Москву, а тут еще и этот вопрос о выборах донбасских вождей и законодателей либо

продлении их полномочий добавляется. Вопрос, в отношении которого любая московская позиция не может восприниматься с этими договоренностями совместимой.

Поэтому основная ставка Кремля — на благоприятный для него исход украинских выборов 2019 года. Поэтому же склоняюсь к тому, что выборы глав и законодателей ДНР и ЛНР под тем или иным предлогом все же отложат, дабы избежать обвинений в обрушении «Минска-2» подобно тому, как обрушен был такими выборами «Минск-1». А в ожидании смены власти в Киеве будет использование любых поводов или их создание для акцентирования недоговороспособности Украины и бессмысленности любых переговоров о донбасском мирном урегулировании. Именно в этом духе высказались все без исключения кремлевские и мидовские спикеры после убийства Захарченко, а глава МИДа Лавров заявил, что до расследования убийства планировавшаяся ранее встреча в нормандском формате невозможна. В Европе такое обоснование не сочли основательным, но у России представления об основательности иные. В ней заранее убеждены, что расследователи сочтут виновной в гибели Захарченко киевскую власть, что, в свою очередь, станет дополнительным веским аргументом в пользу неприемлемости переговоров с ней в нормандской четверке.

Такая вот ситуация к очередной годовщине минских соглашений.

О противодействии дремучести (7 сентября). Европейский университет в Санкт-Петербурге после годичного перерыва возобновил свою деятельность — отобранную лицензию вернули. Тот случай, когда рад, что в свое время ошибся. Думал, что тотальная зачистка гуманитарного поля во имя «гуманитарной безопасности» необратима, а сопротивление ей безнадежно. Оказалось, что сопротивление может сопровождаться успехом. По крайней мере, на отдельных участках.

Воспрепятствовать зачислению г-на Мединского в ряды ученых историков научному сообществу не удалось. Пыталось, но отнять у министра докторскую степень власть не позволила. А отстоять Европейский университет получилось. Но первый случай — это не только неудача в противостоянии и противодействии торжествующей гуманитарной дремучести и профессиональному бесчестию; это и опыт такого противостояния и противодействия, который самоценен. Второй случай — опыт успеха сопротивления возобладавшей тенденции, свидетельство его, успеха, заранее не гарантированной возможности.

Не стану сбрасывать со счета роль Кудрина — одного из учредителей университета и членов его наблюдательного совета, обращавшегося за содействием к Путину. Возможно, без этого ничего бы не вышло. Однако не уверен и в том, что без целеустремленной настойчивости университетских руководителей и преподавателей, без поддержки множества академических институтов и вузов, без протестного общественного шума, которым сопровождалось давление на Европейский университет, его бы удалось отстоять. Но, повторю, если бы даже не удалось, сопротивляемость бюрократическому своеволию и солидарность в ее поддержке — это социальный капитал, который в России пока очень мал, и потому его проявления тоже желательно замечать и поддерживать.

Коллег, работающих в университете, поздравляю с тем, что отнятое у него право быть ему возвращено.

О позавчерашних голосованиях (11 сентября). После последних думских выборов, которые «Единая Россия» выиграла почти во всех одномандатных округах, и прошлогодних муниципальных выборов в Москве, на которых были повержены системные партии-попутчики (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»), можно было предположить, что политическое время этих партий завершается. Но потом мы наблюдали, как президент, идущий на очередной срок, дистанцируется от «Единой России», представ перед избирателями в образе независимого кандидата. И московский мэр вскоре последует его примеру. Власть отделяет себя

от партии власти, предпочитая выглядеть внепартийной и надпартийной, что свидетельствует, помимо прочего, об углубляющемся кризисе постсоветского квазипарламентаризма.

Партия власти, уподобившая депутатов чиновникам и вынужденная поддерживать иницированную властью политику затягивания поясов, не выдерживает возросшей политической нагрузки. Позавчерашние выборы показали, что не всегда помогает даже усиленная административная защита посредством недопущения к этим выборам почти всех конкурентоспособных кандидатов, кроме представителей партий-попутчиков. При таком суженном политическом выборе избиратели выразили недовольство социальной политикой прежде всего существенно возросшей поддержкой коммунистов², т. е. прежней партии власти, которая совсем недавно казалась уходящей натурой. Для системы угроза не очень большая, такую оппозицию она ассимилирует, но факт и то, что система эта вынуждена будет теперь существовать с раздраженным населением.

Но такое его состояние плохо соотносится с квазипарламентаризмом, лишаящем представительства те или иные социальные группы или искусственно это представительство ограничивающем. Схожий опыт в 1906–1917 годах у страны уже был, как и сопутствовавший ему опыт подавления внепарламентских проявлений недовольства тайной и не тайной полицией, о чем, думаю, нелишне вспомнить.

О приморском казусе (17 сентября). Случившееся в Приморье³ — это не о том, что лучше, — шило или мыло. Это о том, что с системой несовместимы не только выборы, но и «выборы».

Еще о приморском казусе (19 сентября). Поняли, что в Приморье переступили черту. Что слегка отступить для системы лучше, чем закрепляться на новом уязвимом рубеже⁴. Головокружение от былых успехов признано для дальнейших успехов в коллективизации электората вредным. Но и запрет на неуспех останется в силе.

О безнаказанности фальсификаторов (20 сентября). Сетуют многие, что никогда не наказывают тех, кто фальсифицирует результаты голосований — даже тогда, когда фальсификации признаются. Ни тех, кто повелевает, ни тех, кто исполняет. И призывают это попустительством преступлениям пресечь. Хороший призыв, правильный. Да только адресатов у него нет. Точнее, есть адресаты предполагаемые, но их слух к таким сигналам не восприимчив. Ибо полагают, что не преступлениям попустительствуют, а государственное служение поощряют, которое выше права и любых писаных заветов. Ценности у них такие, отступничество от которых приравнивается к профнепригодности, а то и к предательству. Поэтому пока все так, как есть.

О событиях четвертьвековой давности (21 сентября). Пишут, что именно в этот день, четверть века назад, началось движение к тому, что имеем сейчас. Думаю, что это верно разве что наполовину. Началось раньше.

Началось с того, что Съезд народных депутатов РСФСР был наделен всей полнотой власти, т. е. правом определять основные направления внутренней и внешней политики и

² На состоявшихся 9 сентября 2018 г. в 22 регионах выборах законодательных собраний в трех из них «Единая Россия» не получила даже относительного большинства голосов, уступив первенство КПРФ, а в четырех из 16 регионов, где в тот же день прошли выборы глав исполнительной власти, действующие руководители не смогли победить в первом туре. Не преуспели они и во втором, проиграв представителям КПРФ и ЛДПР.

³ Второй тур выборов главы региона в Приморском крае, состоявшийся 16 сентября 2018 г., ознаменовался скандалом: в ночь подсчета голосов была предпринята попытка фальсификации результатов в пользу проигрывающего выборы кремлевского кандидата А.Тарасенко, включая переписывание уже введенных в систему ГАС-выборы протоколов.

⁴ Учитывая разгорающийся скандал, Кремль не решился признавать фальсифицированные результаты голосования в Приморье, однако и признавать победителем представителя КПРФ не считал для себя приемлемым, признав через Центризбирком выборы несостоявшимися (без законных на то оснований) и назначив новые.

принимать к рассмотрению (а значит, и решать) любой вопрос. Это не было парламентской демократией, ибо ни Съезд, ни образованный им Верховный Совет, имея возможность влиять на состав правительства и его политику, за его деятельность и ее результаты не отвечали. Это был выбранный населением властный аналог ЦК КПСС, но без персонификации в лице генсека. На легитимную персонификацию власти в тех обстоятельствах мог претендовать только президент Ельцин, чем и воспользовался.

Законодательно ограниченный в возможностях формировать исполнительную власть и определять ее курс, он Съезд депутатов и Верховный Совет незаконно распустил. А потом свою прежнюю конституционно-правовую ущемленность монополией депутатов преобразовал в конституционное закрепление монополии президентской в виде все того же права определять основные направления внутренней и внешней политики. Так была проложена дорога к персоналистскому правлению, так произошло возвращение к авторитарной политической традиции.

Кто в этом виноват? Хасбулатов и депутаты? Монопольные конституционные полномочия их Съезда? Ельцин, этими их полномочиями скованный? Весь политический класс? Или сама традиция, иного типа властвования, кроме монопольного, не предполагавшая, и определявшая ментальность политиков?

Еще о «выборах» (24 сентября). Голосования 9 сентября и последующие — удары по легитимации монопольной власти квазидемократической процедурой. Всей власти. Выборы, превращенные ею в «выборы», были источником легитимности именно потому и постольку, поскольку она обнаруживала силу не только такое превращение безнаказанно обеспечивать, но и эти «выборы» повсеместно выигрывать. Проигрыши — свидетельство ослабления силы, мотивирующее на сопротивление ей с надеждой на успех. Как и суетливость реакции на пропущенные удары. Они не нокаутирующие, локальные проигрыши партиям-попутчикам большими неприятностями властной монополии пока не угрожают, но легитимация посредством «выборов» становится для нее проблемой.

О двух президентах (26 сентября). Сравнивают Трампа с Путиным, уподобляя первого второму. Основания есть, но недостаточно основательные. Трамп вознамерился подчинить политике право, введя их в состояние противостояния. Путин такими заботами не обременен, ибо правотворчество и правоприменение в его подчинении. Хозяин Белого дома в конфликте с американской традицией, хозяин Кремля — в союзе с традицией российской.

Об обещанном и не обещанном (28 сентября). Интересуются люди, почему про обещанный президентом экономико-технологический «рывок» перестал писать. Так нет же его пока, «рывка» этого. Есть форсированная подготовка к нему посредством не обещанного сбора денег с народонаселения — налоги увеличили, пенсионный возраст повысили. Как только рванут, обязательно начну отзывать.

О том, что в дефиците (30 сентября). Александр Сокуров высказался о войне и мире. О том, что задачи, выдвигаемые войной, стране даются легче, чем задачи мирного устройства и созидания: «К большому сожалению, мы не всегда выдерживаем испытание мирной практикой жизни» [Улицкая, Сокуров 2018].

Почему так? Потому, думаю, что «мирная практика жизни» требует иного способа общественной и государственной консолидации, чем практика войны, а такого способа исторически не наработано. Консолидации не общим желанием одной на всех победы, нивелирующим частные и групповые интересы, а подвижной равнодействующей этих интересов.

Если запроса на таковую нет, и она не складывается, все надежды приходится возлагать на верховного арбитра, уподобляемого верховному главнокомандующему. А верховный арбитр, в свою очередь, рано или поздно сталкивается с тем, что интересы — помимо его воли и с ней не считаясь — начинают враждовать, и вера в него начинает иссыхать. После чего

ему ничего иного не остается, как восстанавливать подорванную мирную консолидацию военной.

Сокуров призывает сосредоточить внимание именно на этих «мирных периодах жизни страны», дабы извлечь из них «нужные уроки». Но может ли такой призыв быть услышан? У кого настроен на это слух?

О праве признаваться в нелюбви (2 октября). Одной из идей, привлекательных для определенного круга интеллигентных людей, вышедших на Болотную площадь и проспект Сахарова, была вот эта: «Мы хотим не менять власть, а влиять на власть». Потом выяснилось, что влиять не получается. Сегодня речи уже другие: будем ценить свое право власть не любить вкупе с правом прилюдно в этой нелюбви признаваться [Улицкая 2018]. Против чего в высоких кабинетах, где определяется и корректируется мера допустимого, не возражают. Великий, можно сказать, исторический компромисс.

Все еще не услышанный Богдан Кистяковский (3 октября). *Каждые пять лет в конце сентября-начале октября возобновляются старые споры об осенних событиях 1993 года. Я уже высказывался на днях о том, что их неправомерно оценивать с точки зрения заведомой правоты или неправоты противоборствовавших тогда сторон. Тем не менее, от таких оценок мало кто расположен отказываться. Как будто нет четвертьвековой исторической дистанции, как будто все мы еще там, в 1993-м со всеми нашими политическими привязанностями и повязанностями. Об этом в интервью журналу «Гептер» я говорил пять лет назад, когда была 20-я годовщина, и сегодня вижу смысл в том, чтобы сказанное повторить. Правда, текст касается более широкого круга вопросов относительно российского конституционного устройства (тогда был и 20-летний юбилей действующей Конституции), но читатель сможет без особого труда найти место, где речь идет об упомянутых выше трагических событиях.*

— Года полтора назад мы подходили с Вами к теме о конституционной реформе. Вы говорили тогда, что, с одной стороны, без нее российская политическая система обречена оставаться в архаичном состоянии, блокирующем развитие страны, а с другой — сама идея такой реформы обществом, включая его образованную часть, не востребована, ее значение минимально. Вместе с тем, в преддверии 20-летия действующей Конституции звучало немало призывов к ее изменению — и на различных экспертных площадках, и в СМИ. И зачастую едва ли либеральных. Было предложено, например, изъять статью, содержащую запрет на государственную идеологию. В этой ситуации вы остаетесь при прежней точке зрения или как-то ее корректируете?⁵

— Мне приходилось читать и слышать, что ответом на угрозу ухудшения Конституции, равно как и несоблюдение ее властями, может быть только ее защита. И от порчи текста, и от пренебрежения им в реальной политике. Кто-то, как Георгий Сатаров, объясняет: прежде чем менять Основной Закон, надо «изменить себя», т. е. научиться отстаивать букву и дух Конституции действующей. Кто-то, как Александр Рубцов, развивает его мысль в том смысле, что соблюдение законов, какими бы они ни были, важнее их изменения. Кто-то, как Борис Макаренко, полагает, что педалирование темы конституционной реформы со стороны либеральной публики будет лишь провоцировать власть на ухудшение Конституции, а потому почитает за лучшее вернуться к лозунгу советских диссидентов: «Соблюдайте собственную Конституцию!».

Именно такие настроения, насколько знаю, преобладали на упомянутых вами дискуссионных площадках. Правда, получили трибуну и многочисленные эксперты, обосновывающие необходимость конституционной реформы с позиций правового государства, некото-

⁵ Вопросы задавали Ирина Чечель и Александр Марков. Опубликовано в журнале «Гептер» 15 января 2014 года.

рых из них выпустили даже на федеральные телеэкраны. Их пафос мне был и остается близок. Но юбилей отшумел, и тема, уверен, вернется в маргинальную экспертную нишу, в какой она удерживалась раньше. До очередного юбилея или до тех пор, пока в изменении Конституции не увидит свой интерес высшее начальство. И это, пользуясь вашими словами, будет, конечно, изменение отнюдь не в либеральном направлении.

— И, тем не менее, вы считаете, что в приведенных вами предостерегающих высказываниях нет резонансов?

— А какие тут резонансы? Это же очевидно, что власть в России при желании может попирать и произвольно изменять Основной Закон независимо от того, что говорит и к чему призывает передовая общественность. Доказательства тому уже предъявлены. Но отсюда никак не следует, что люди, власть обличающие и убеждающие общество в необходимости ее замены на другую, могут позволить себе игнорировать связь действий власти с ее институционально-правовым устройством. Тем устройством, которое узаконено действующей Конституцией.

Ведь возможность ее нарушения и произвольного изменения в ней самой и заложена, ведь вовсе неспроста ни в одном правовом государстве таких конституций, наделяющих президента царскими полномочиями, до сих пор не наблюдалось. И если исходить из того, что смысл конституции в ограничении власти, то что означает конституционное наделение высшего должностного лица почти неограниченными полномочиями? Оно означает, что конституционного правления в России до сих пор не существует.

Вот почему никакого резона в упомянутых мной суждениях я не усматриваю. Да, при нынешнем режиме продвижения к реальному конституционализму быть не может. Да, дальнейшая традиционалистская ревизия действующего Основного Закона отнюдь не исключена. Но она будет происходить (если будет) не потому, что либералы или кто-то еще «спровоцируют» Кремль своими требованиями конституционной реформы ради утверждения принципов конституционализма.

Она будет происходить потому, что в один прекрасный день власть вдруг решит, смысла своего решения не сознавая: для выкарабкивания из исторического болота, в котором оказалась страна, надо продвинуться в это болото еще дальше. Ну, а в чем тогда смысл упреждающих призывов ее, власти, оппонентов не трогать Конституцию? Думаю, в том, чтобы обосноваться в достигнутой точке болота, никуда не двигаясь вообще. С надеждой на историю, которая со временем скажет свое веское слово, а пока она молчит, лучше не будить лихо, пусть себе спит.

Или вот это: прежде чем менять Конституцию, надо «измениться самим». То есть обрести уважение, ныне отсутствующее, к букве и духу той Конституции, которая есть, и способность добиваться ее соблюдения. Добиваться, надо полагать, от «царя», чтобы он не злоупотреблял своими «царскими» полномочиями, т. е. начал поступаться логикой им же созданной политической системы и своими интересами. Что, в свою очередь, откроет дорогу «честным выборам», политической конкуренции и смене людей в кремлевских и прочих высоких кабинетах.

Многие именуют это «радикальной политической реформой», а некоторые даже «сменной системы». Мне же слышится в этом не первая в истории страны подмена вопроса об изменении государственного устройства вопросом о том, кому должна принадлежать власть. Придут, мол, к ней другие, лучшие люди, и все станет иначе и много краше, чем есть. Да было же это совсем недавно, откуда эта податливость к самообманам с неизбежно проистекающими из них обманами?

При таком сознании образованного класса каждое новое слово истории будет сопровождаться возвращением ее в старое русло. В русло, где не право над властью, а власть над

правом. Помните признание одного из лидеров партии кадетов Василия Маклакова, сделанное им в эмиграции? Мы проиграли, сказал он, потому что боролись не за право, а за власть. А еще раньше Богдан Кистяковский, тоже входивший в руководство этой партии, написал в «Вехах» о том, что идея права русской интеллигенцией не воспринята и не освоена, что идея эта остается интеллигенции чуждой. Тогда его голос не был услышан. Но он не услышан, похоже, и до сих пор. А если он не услышан и ею не транслируется, если ее сознание все еще пребывает в доправовом состоянии, то откуда взяться конституционно-правовому сознанию у более или менее широких слоев населения?

— Давайте уточним сначала насчет интеллигенции. Что она такое в наше время? Применительно к старой, досоветской интеллигенции было определение Иванова-Разумника в его «Истории русской общественной мысли»: интеллигенция — это внесловная, внеклассовая сила, идеалистически противопоставляющая себя мещанству. Но сейчас?

— Меня, как и Иванова-Разумника, тоже интересует лишь одна сторона, один признак интеллигенции, но другой. А именно — ее критицизм в отношении власти и установка на ее замену при игнорировании права. То самое, о чем и писал Кистяковский. В этом интеллигенция, по-моему, не изменилась.

— Однако реальным историческим субъектом, если судить по последним десятилетиям, она себя вроде бы не воспринимала. Она выдвигала и поддерживала проекты, призванные привести страну в некое идеальное состояние. При этом идеализация переносилась и на отдельные персоны: Ельцин воплотит идеал демократии, реформаторы во главе с Гайдаром — идеал рынка. Что-то с тех пор изменилось?

— Ориентация на абстрактное «идеальное состояние» живет и здравствует. И, соответственно, томление по вождю-проводнику в это состояние, способному предварительно опрокинуть состояние нынешнее. А конкретного образа иного, альтернативного порядка в его институционально-правовых параметрах — прежде всего, конституционных — как не было, так и нет.

— И все же именно интеллигенция постоянно говорит о том, что общество должно быть плюралистичным, а власть следует контролировать, требуя ее прозрачности. Да и голоса против нарушения конституционных норм и их произвольного изменения, против произвола судей и полицейских — разве не отражение того, что правовое сознание и мышление не так уж ей и чужды?

— Это все в логике критики власти, тех или иных ее конкретных неправовых действий, а не критики конституционно узаконенного государственного устройства, в котором такие действия не аномалия, а норма. В нем есть институт Президента, поставленный над разделением властей, что делает его декларирование в той же Конституции чистой формальностью. Президент не представляет ни законодательную власть, ни исполнительную, ни судебную, а некую четвертую власть, стоящую над тремя другими. И эта президентская монополия при доминировании в обществе патриархальной политической культуры как раз и открывает возможности для подчинения других ветвей власти и, соответственно, для бесконтрольного и безнаказанного произвола.

Конечно, есть эксперты, которые давно обратили внимание на этот момент, с принципом конституционализма не сочетаемый. Они выступают с идеей конституционной реформы, предлагают и обсуждают ее варианты — в преддверии 20-летия Конституции мы могли их видеть и слышать. Но они в заведомом меньшинстве, даже образованная часть общества (та самая интеллигенция) к их соображениям и предложениям не восприимчива, а часто и просто их отторгает, о чем я уже говорил.

Кстати, по поводу «разделения властей». Мой виртуальный друг в Фейсбуке Алексей Шуппе обратил мое внимание на грамматическую уязвимость самого этого термина. Власти

не могут быть разделены на власти, разделены могут быть только власть и властные полномочия. Я пытаюсь это учитывать, однако сила языковой инерции все же сказывается. Но это так, между прочим.

— Почему не воспринимается идея конституционной реформы? У вас есть объяснение?

— Думаю, что, помимо опасений спровоцировать кого-то на что-то худшее, есть вещи более глубокие, уходящие корнями в особенности отечественной культуры. По моим наблюдениям, доправовое интеллигентское сознание предрасположено апеллировать к доправовому сознанию общества в целом: если, мол, оно не в состоянии добиться выполнения действующей Конституции и соответствия ей практики правоприменения, то дело, стало быть, не в Конституции, а в обществе. И потому — сначала «изменимся сами». А что существует и обратная зависимость качества общества и правоприменения от государственного устройства и его юридического каркаса, в расчет не берется.

Но и это еще не все. Дело в том, что люди могут признавать приоритет права, сочувственно цитировать того же Кистяковского и даже призывать к конституционной реформе, но в анализе и оценке конкретных событий руководствоваться соображениями, от права, мягко говоря, далекими. Инерция культурной традиции может проявляться даже тогда, когда традиция эта вроде бы отвергается как архаичная.

В прошлом году отмечалось 20-летие еще одного события...

— **Осень 1993-го, роспуск Ельциным Верховного Совета, штурм Белого дома...**

— Да-да. И в те дни — я имею в виду прошлый год, а не 93-й — мне довелось участвовать в нескольких интернет-дискуссиях, того конфликта касавшихся. Тогда-то и возникло у меня ощущение, что со времен Кистяковского не так уж много что изменилось даже в представлениях тех, кто сегодня на него ссылается, солидаризируясь с его критикой правового нигилизма старой русской интеллигенции. Они оценивают конфликт 1993 года с точки зрения конституционности либо неконституционности действий сторон, а это, сдается мне, в данном конкретном случае и есть правовой нигилизм. Почему? Да потому что речь идет о Конституции, столь же мало соответствовавшей принципам конституционализма и правового государства, как и сменившая ее Конституция ельцинская. И потому, в свою очередь, полезнее было бы посмотреть на события 93-го с точки зрения того, что им предшествовало и к ним привело. Они стали историческим продуктом институционально-правовой беззаботности российского общества, включая позднесоветскую интеллигенцию. В данном отношении она если и отличалась от досоветской, то в худшую сторону. Это не только критика, но и самокритика.

Что было в сознании досоветской интеллигенции вместо идеи права? Вместо нее чаще всего была идея этическая, нередко обреченная с социальной, но могла быть и идея политическая, тоже не чуждая этического пафоса. Она предполагала приоритет над правом борьбы за государственную власть, что Василий Маклаков и назвал впоследствии главной причиной поражения русского либерализма.

— Полагаете, он был прав?

— Полагаю, что вряд ли. При том состоянии общества, которое имело место быть сто лет назад, шансов победить у кадетов и их политических союзников не было. Сразу скажу, что не знаю, был ли шанс прорваться в правовое государство во времена перестройки и после нее. Но я задним числом осознаю, что интеллигенция, бывшая в те времена влиятельной силой, в понимании роли права не дотягивалась даже до уровня своих досоветских предшественников. Их опыт был забыт, и противодействие советскому государству стало осуществляться в отсутствие даже внятной постановки вопроса о том, какое государство может и должно прийти ему на смену, как оно может и должно быть — с институционально-правовой точки зрения — обустроено.

Чем вдохновлялась либеральная оппозиция (тогда она именовала себя демократической) в последние два-три года перед распадом СССР? Она вдохновлялась идеей отмены 6 статьи брежневской Конституции о «руководящей роли КПСС»...

— Конституционно-правовая, между прочим, идея. Разве нет?

— Да, но ради чего эта отмена? Чтобы что взамен? Вы скажете, что был конституционный проект Андрея Дмитриевича Сахарова — мы вспоминали о нем в одной из предыдущих наших бесед. Как и о том, что никакого интереса он тогда в оппозиционной среде, почти сплошь интеллигентской, не вызвал и никакой политической роли не сыграл. Я говорю не о содержании этого проекта, предполагавшего сохранение Советского Союза и выглядящего сегодня утопическим. Я о том, что он не вызвал интереса не из-за своей утопичности, а из-за нашей общей тогдашней правовой беззаботности относительно государственного устройства. Уже тогда этот вопрос без остатка растворялся в вопросе о том, кому должна или не должна принадлежать власть. И сейчас многие противники путинского режима мыслят в той же логике, ищут кандидата на роль «правильного» властевладельца...

— Давайте все же вернемся к конфликту 1993 года. Вы сказали, что в его сегодняшних оценках проявляется интеллигентский «правовой нигилизм», причем даже у людей, разделяющих пафос Кистяковского: приоритетность права. Вы, судя по всему, с ними не раз дискутировали. О ком конкретно идет речь и каковы встречные аргументы?

— Прежде всего, с философом Вадимом Михайловичем Межуевым и его сторонниками, которые ссылались на опубликованную в те дни статью Андрея Илларионова, пересмотревшего свою прокремлевскую позицию 20-летней давности. Они подчеркивали антиконституционность действий Ельцина, осуществившего роспуск Верховного Совета и Съезда народных депутатов и восстановившего в России авторитарно-самодержавное правление, придав ему конституционный статус. При этом их оппоненты, считающие те действия оправданными (например, Сергей Станкевич), правовой стороны дела не касались вообще, апеллируя к логике истории, в которой прогресс не линеен, а зигзагообразен. Их доводы я разбирать не буду, они, в отличие от полемики с Межуевым, за пределами нашей сегодняшней темы.

Основной аргумент Вадима Михайловича был в том, что именно Ельцин прервал начавшееся движение страны к демократии и правовому государству. Я же полагаю, что в строгом смысле слова такого движения не начиналось вообще. После распада СССР в России не произошло учреждения нового государства, а были сохранены институты, сформировавшиеся в позднем Советском Союзе, т. е. в государстве, уже исчезнувшем. И политики, и образованные слои общества, не говоря уже об остальных, рассматривали это как должное, вопрос о созыве Учредительного собрания, в такой ситуации естественный, не ставился и не обсуждался. Но это означало, что доправовое сознание продолжало править свой бал и диктовать стране маршрут ее эволюции.

Ведь политическая система, унаследованная от СССР посткоммунистической Российской Федерацией и узаконенная Конституцией РСФСР, не устраняла, а воспроизводила политическую монополию, только теперь не в лице КПСС и ее ЦК, а Съезда народных депутатов. По этой Конституции именно Съезд осуществлял «основные направления внутренней и международной политики» и был правомочен принять к рассмотрению любой вопрос. А принять — значит и решить. И эта монополия находилась в непримиримом противоречии и с принципом разделения властей, записанном в той же Конституции, и с наличием избираемого населением президента, уполномоченного формировать правительство и ответственного за его деятельность. При этом Съезд и Верховный Совет, будучи не только законодателями, но и наделенными правом контроля над исполнительной властью, никакой реальной политической ответственности за работу правительства не несли — не они ведь его формировали,

как это имеет место при парламентском правлении. Мог ли такой изначально заложенный в политическую систему институциональный конфликт, сопровождавшийся по ходу его развития отступлениями обеих сторон от законности, быть разрешенным в правовом поле?

— Ваш оппонент считает, что мог?

— Да, он так считает. А я вижу в этом привычную нам подмену институционально-правового понимания причин событий персоналистским: дело, мол, не в институтах, а в доброй либо злой воле конкретных людей, их договороспособности либо неспособности. Но при таком понимании и правовая оценка природы конфликта, о котором у нас речь, подменяется правовой оценкой его кульминационной фазы (в данном случае, неконституционного роспуска Съезда и Верховного Совета и насильственных действий одной из сторон) при отвлечении от фаз предшествующих. Повторю еще раз: истоки трагедии 1993 года надо искать в 91-м, когда после обвала Советского Союза были сохранены узаконенные Конституцией РСФСР старые советские институты, с принципами конституционализма не сочетавшейся. Потому что Конституция та вместо ограничения власти закрепляла монополию одной из ее ветвей. И историческая ответственность за это должна быть возложена на обе стороны, так как обе они на сохранение унаследованной институциональной конструкции и ее конституционного оформления добровольно согласились.

Кстати, в этой точке, как мне показалось, наши позиции с Вадимом Михайловичем несколько сблизилась. Но он до конца продолжал настаивать на том, что именно осенью 1993 года было прервано движение к правовому государству, так как Конституция РСФСР сохраняла перспективу такого движения, а ельцинская Конституция ее перекрыла. Я же думаю, что первая неминуемо вела к конфликту и его силовому разрешению, а вторая такого рода институциональные конфликты блокировала посредством восстановления традиционного для страны персоналистского авторитарного правления. Но то была не замена хорошего плохим, как и не плохого хорошим. То была замена одного институционально-правового уродца другим.

— Но это все же спор о прошлом. Почему он кажется вам важным? Вот и ваш оппонент не решился бы опровергать приоритет права...

— Более того, он и Кистяковского любит цитировать, и идею конституционной реформы поддерживает. Но речь же идет о сегодняшних оценках прошлого и, соответственно, о сегодняшней общественной атмосфере. И мы видим, как преодолевающее доправовую культурную традицию правовое сознание может сочетаться с присущим этой традиции сознанием персоналистским, индифферентным в отношении узаконенных государственных институтов и их соответствия либо несоответствия базовым принципам конституционализма. Ну и как это может сказаться в будущем?

А дело, между тем, много хуже, чем я говорю. В многочисленных бурных дискуссиях о событиях 93-го года участвовало множество людей, они не затихали около двух недель. Что-то, значит, наболело и прорвалось. Однако об институционально-правовой природе тех событий никто, за редкими исключениями, говорить не хотел. Говорить хотелось о том, был ли Ельцин могильщиком демократии или, наоборот, ее спасителем. Люди спорили так, как будто они по-прежнему пребывают в ситуации 20-летней давности. Ситуации, в которой борьба шла не за право, а за власть, за сохранение властной монополии и за овладение ею, и в которой конституционно-правовое измерение было полностью вытеснено измерением политическим вкупе с этическим. Понятно, что обе стороны воевали за народное счастье и все высокое.

— Нельзя все же сказать, что конституционно-правовое измерение отсутствовало тогда вообще. Была депутатская Конституционная комиссия, разработавшая проект

нового Основного Закона, было Конституционное совещание с широким представительством... Но почему-то все кончилось иначе, чем ожидали.

— Потому что конституционно-правовое было подчинено политическому. На этом пути лишний раз выявилась неразрешимость изначально заложенного в государственную систему институционального конфликта. Но то, о чем вы вспомнили, тоже чрезвычайно интересно для понимания тех представлений и настроений, которые доминируют сегодня в оппозиционной среде — не только политической, но и интеллигентской.

На проект Конституционной комиссии, открывавший якобы выход из тупика, ссылались в ходе дискуссий Вадим Межуев и его сторонники, такой точки зрения продолжает придерживаться и Виктор Шейнис, непосредственно участвовавший в подготовке проекта, — я специально говорил с ним об этом. Но давайте посмотрим на то, что тогда предлагалось, и что Виктор Леонидович до сих пор считает «сбалансированным вариантом».

Как распределялись в этом проекте властные полномочия? Согласно ему, президент наделялся статусом главы государства и верховного главнокомандующего, а также правом формировать правительство и председательствовать на его заседаниях. Далее смотрим полномочия парламента (Верховного совета). В проекте записано, что шесть ключевых фигур правительства — его глава, вице-премьер, министры обороны, внутренних и иностранных дел, а также министр экономики могут быть назначены только с согласия депутатов. То есть хотят — согласятся, не хотят — не согласятся. Но при этом реальной ответственности за деятельность правительства и ее результаты они на себя не берут — не они же его формируют, а президент, предлагающий свои кандидатуры.

Но это еще не все. Верховный Совет наделялся правом ставить вопрос о несоответствии руководителей кабинета и министров занимаемой должности и их отставке. Предусматривалась, правда, и возможность их защиты Президентом...

— На заседании парламента? И в какой форме — лично или через представителя?

— Процедура защиты там, насколько помню, не прописывалась. Но защищать мог. А защитил или нет — опять же решат парламентарии. Думаю, что при такой конституции, аналогов которой в мире тоже нет, исполнительная власть была бы просто парализована. Политическое и здесь обнаружило предрасположенность к верховенству над конституционно-правовым в виде претензии одного из институтов на властную монополию.

— Обратили в свою веру, убедили Виктора Леонидовича?

— Нет, не убедил. А меня разговор с ним убедил в том, что его, разговор этот, полезно перенести в публичное поле, что я и делаю. Назрела, мне кажется, широкая дискуссия о нашем институционально-правовом сознании и мышлении — и относительно прошлого, и относительно настоящего и возможного будущего. Был бы рад, если эта наша беседа станет стимулом для включения в нее и Виктор Шейниса, и Вадима Межуева, и многих других, мной названных и не названных. Только в такой дискуссии и выяснится, справедлива ли (или насколько справедлива) оценка, выставленная когда-то Богданом Кистяковским старой русской интеллигенции применительно к интеллигенции нынешней.

Это тем более важно, что в недолгое время общественного подъема 2011–2012 годов идея конституционной реформы (тогда она была более популярной, чем сейчас) стала обрастать предложениями о способах ее осуществления. Среди них наибольшую известность получила «дорожная карта переходного периода», опубликованная публицистом Андреем Пинотковским. И в нашей беседе о правовом сознании российской интеллигенции ее очень даже уместно вспомнить.

Согласно этой «дорожной карте», массовое протестное движение, достигнув размаха, с которым власть уже не сможет не считаться, должно поставить перед президентом вопрос об его отставке. Перед отставкой от него требуется представить в Думу кандидатуру нового

председателя правительства, выдвинутую оппозицией, которому предстоит в переходный период исполнять обязанности президента. Дума же, дав согласие на утверждение кандидатуры премьера, объявляет о своем самороспуске. До этой точки все предлагаемое находится в конституционном поле, в границах действующей законности. А вот дальше вместо права начинается «революционная целесообразность».

Дальше рекомендуется сформировать временное правительство, но при отсутствующем парламенте это будет за пределами правового поля. Равно как и принятие новой конституции, будь то референдумом или Учредительным Собранием. Равно как и принятие новых законов о выборах президента и парламента, которые предусматриваются после принятия конституции. И что это будет означать? Это будет означать легитимацию государства не правом, а революцией. Или, говоря иначе, разрыв правовой преемственности будет воспроизведением большевистского способа легитимации власти. И вопрос в том, может ли государственность, изначально утверждающая себя таким способом, стать правовой.

— **«Закольцуем» все же тему 1993 года. Если не секрет, а ваша собственная позиция до и во время трагической развязки напоминала сегодняшнюю?**

— Разве что отчасти. Одно дело, когда пребываешь в незавершенном процессе, на одной из его стадий. И совсем другое — когда он уже в прошлом, и ты имеешь возможность обозреть его целиком, от истоков до финальной точки. Тогда, в 93-м, такая возможность отсутствовала, тогда позиция определялась политической злобой дня.

С одной стороны, я считал, что монополярная власть Съезда народных депутатов — это ненормально. А с другой — мне не импонировала установка на силовое разрешение конфликта, постепенно распространявшаяся по мере его обострения. Где-то в конце весны или в начале лета мне довелось участвовать в программе Леонида Радзиховского на втором телеканале. Там были Сергей Юшенков, Гавриил Попов и кто-то еще, сейчас не припомню. И в конце передачи (она шла под запись, и в эфир эту ее часть не пустили) речь как раз зашла о том, как можно выйти из конфликта. Я был за поиск решения в правовом поле, не отдавая себе полного отчета в том, что реально оно квазиправовое, и рисуя последствия силового варианта, Юшенков и Попов говорили, что это уже невозможно. Правы оказались они.

А 3 октября 93-го в интеллигентском клубе «Московская трибуна» мы вместе с Сатаровым были основными докладчиками о политической ситуации и путях выхода из нее. Оба мы усматривали его в одновременных досрочных выборах парламента и президента, но поддержки не получили. Доминировавшее настроение ярче всех выразила Мариэтта Омаровна Чудакова, а резолюция, зачитанная Юрием Александровичем Левадой и поддержанная подавляющим большинством собравшихся, призывала Ельцина к решительным действиям. Резолюция эта вписывалась в логику политических событий, а наши с Сатаровым предложения из нее вываливались. Тем более что тогда я не очень-то представлял себе, как в той ситуации изменить Конституцию, чтобы досрочные выборы проводить уже по ней, а не выбирать снова Съезд народных депутатов с монополярными полномочиями.

Сейчас я смотрю на те события и их институционально-правовые истоки (а они, повторяю, в 91-м, а не 93-м) исторически, а тогда смотрел на них изнутри остроконфликтной ситуации. При этом мне не хотелось, чтобы в случае победы одной из сторон победителями стали Хасбулатов и Руцкой. Именно потому, что Съезд народных депутатов уже продемонстрировал свою установку на политическую монополию. Однако и перспектива «полной и окончательной» победы другой стороны не импонировала мне тоже. Досрочные выборы казались единственной возможностью избежать того и другого, но то была иллюзия: вопрос перешел уже в плоскость «кто кого».

А потом, когда был опубликован проект ельцинской Конституции, передававшей монополию победителю, я стал ее критиком и остаюсь таковым до сих пор. Кстати, Ельцин тогда

пообещал, что после выборов в Государственную Думу пойдет на досрочные выборы и сам. А через некоторое время написал в «Известиях», что делать этого не будет, так как «от выборов устал». И до 1996 года у нас был президент, избранный в другой стране и наделенный новой Конституцией такими полномочиями, которыми избиратели его не наделяли.

Но все это если сегодня и интересно, то разве что для лучшего понимания неизбежных исторических материализаций доправового сознания и происходящих с ним под влиянием исторических событий метаморфоз.

— Пока в вашей критике этого сознания, из раза в раз воспроизводящего доправовые практики, не очень понятен акцент на интеллигенции. По поводу ее возможностей в годы перестройки Вы не однажды выражали массу сомнений — и сегодня, и раньше. Если «состояние общества», я цитирую, не обретает качество гражданского, то о каком верховенстве права может идти речь? Между тем, до конца 90-х годов даже понятие гражданского общества в политическом языке фактически отсутствовало.

— Да, это так.

— Был эквивалент этого понятия — «народ», воспринимавшийся, если говорить о ельцинской эпохе, не как политический субъект, а исключительно как группа поддержки Ельцина. Достаточно вспомнить апрельский референдум 1993 года и атмосферу, создаваемую в его преддверии. Схема: если лояльность «народа» на референдуме обозначена, то Ельцин неприкосновенен. За него нужно стоять, какими бы ни были его действия — пусть даже заведомо силовыми и недемократическими. Поддержка «народа» — якобы подтверждение президентской правоты во всем.

— Вы как раз и описываете интеллигентское сознание, в котором правовое измерение вытеснено политическим.

— Да, но сам феномен этот очень своеобразен. Люди, окрестившие себя демократами, призывали поддерживать Ельцина не как гаранта демократического и правового порядка, а как того, кто «ведет» страну к демократии. Причем «он и только он».

— Это просматривается и в упоминавшихся мной сегодняшних спорах о событиях 1993 года. Поэтому и говорю о том, что диагноз Кистяковского остается верным.

— Но любопытно и обоснование происходящего. Отчего Ельцин «ведет» нас к демократии? Потому что за ним — доверие народа, подтвержденное на референдуме. Но ведь на референдум не выносились вопросы ни о демократии в ее содержательном понимании, ни о праве, ни о соответствии им действующих институций. В конце концов, «народ» выражал лишь моральную поддержку президенту и правительству, больше ничего.

— Насколько понимаю, мы говорим об одном и том же. О том, что правовое подменяется политическим, понимаемым как борьба за властную монополию, и этическим с его приоритетом персоналистского принципа над институциональным. Только вы иллюстрируете это событиями и умонастроениями конкретного периода, а я говорю о культурном феномене, имевшем место задолго до них и сохраняющемся до сих пор. И одно из его проявлений вижу в индифферентном либо негативном отношении большинства оппонентов нынешнего режима к идее конституционной реформы. Потому что при действующей Конституции такое оппонирование воспроизводит все ту же борьбу за властную монополию ради замены одних ее персонификаторов другими.

Что касается «народа», выступавшего в политическом дискурсе 90-х заменителем гражданского общества, то и это ведь проявление все той же доправовой культуры. Но и этот дискурс существует давно — сакрализация «народа» еще в XIX веке возникла как интеллигентская альтернатива сакрализации власти. Да и в 90-е к «народу» апеллировали не только сторонники Ельцина, к нему апеллировали все политические силы. Учитывая при этом и то,

что иного языка, кроме языка борьбы за сохранение либо смену монопольной власти и морального обоснования такой борьбы, он не знал.

Поэтому я и сомневаюсь, что у интеллигенции, выйдя она к обществу в годы перестройки и после с правовым дискурсом, было много больше шансов на успех, чем сто лет назад. Но последние четверть века показали: если она не услышит, наконец, одинокий голос Кистяковского и не скорректирует свое публичное позиционирование, если будет воспроизводить в своей среде массовое морально-репрессивное сознание и установки использующих его в своих интересах политических сил, то правового государства в России не получится. Кто еще, кроме нее, может дать умственный импульс движению в этом направлении?

— **Про морально-репрессивное сознание чуть подробнее, если можно.**

— Сошлюсь на историю, которую я как-то услышал от философа Сергея Чижкова. В контексте вашего вопроса важна не столько она сама, сколько реакция журналистов, которым он рассказал эту историю на каком-то семинаре. Во времена Николая I некая дама вышла замуж за вдовца, у которого была дочка. Вскоре он умер, и дама эта решила всю его собственность прибрать к рукам, отправив дочку в монастырь. Каким-то образом история дошла до царя, и он поручил разобраться в ней Бенкендорфу. И тот разобрался: у коварной дамы все отобрали, в монастырь уехали уже ее, а все наследство передали обиженной ею дочке. Как, думаете, отреагировала интеллигентная журналистская аудитория на такой финал? Она отреагировала на него аплодисментами!

Это и есть доправовое морально-репрессивное сознание. Правовую коллизию оно склонно оценивать, руководствуясь чувством справедливости и жадной репрессивного возмездия за несправедливость. Представлению о праве тут нет места. Поэтому почти уверен, что в той аудитории, начини кто-то рассказывать об институционально-правовом измерении государственного устройства и его важности, о конституционализме и всем том, о чем мы с вами говорим, аплодисментов бы точно не дождался, да и внимания вряд ли. Это не интересно, потому что культурной традицией это отторгается. Не будем все же забывать, что феномен, отмеченный Кистяковским, был характерен в свое время для всех течений русской общественной мысли — для славянофилов и западников, Толстого и Достоевского, народников и марксистов.

— Может быть так, что идея конституционной реформы не воспринимается, поскольку выглядит заведомо утопической?

— Есть такое ощущение. Мне она тоже порой таковой кажется. Но потом я начинаю думать, что если под утопичностью понимать нереализуемость здесь и теперь, то утопично все. Утопичны требования честных выборов и честного правосудия, утопичны призывы бороться с коррупцией и противодействовать репрессивному законотворчеству. О диссидентском лозунге «соблюдения собственной Конституции» я уже не говорю. Равно как и о надеждах на то, что люди, услышав его, изменят свое нынешнее безразличие к этой Конституции на уважительное к ней отношение и тоже начнут требовать такого соблюдения. Но если так, если все вроде бы разумное государственной системой превращается в утопию, то, быть может, идея преобразования этой системы и узаконивающих ее юридических норм и есть единственное лекарство от утопизма?

Однако лекарством оно сегодня обществом, умственно и эмоционально прикованным к «здесь и теперь», не воспринимается. Общество, его образованная часть видит, что государственное здание покрывается трещинами, что владельцы и управленцы упреждать их появление не могут, а устранять не успевают. Оно видит, что социальная ткань распадается и расчеловечивается, и что судорожные попытки остановить этот распад проявляются во все более абсурдных решениях. Решениях, призванных заново заколдовать русский мир, в значительной степени уже расколдованный, вернуть его в культурное состояние даже не советской, а

допетровской Московии. Но, видя все это, передовая общественность пробует предохранить себя от распространяющейся заразы снисходительной либо высокомерной насмешкой, раздражением и обличением, гаданиями насчет того, когда уйдет или не уйдет Путин, или когда и как «все рухнет». Ну и еще предается глубокомысленным рассуждениям о вредности утопических проектов перемен, оторванных от жизненной реальности: сначала, мол, надо понять, «что есть», а потом уже говорить о том, как «должно быть».

К сожалению, история никогда не ждет, когда люди ее поймут и придут по поводу этого понимания к согласию, и начинает меняться сама. Состояние России сегодня таково, что глубокий системный кризис может обрушиться на нее в любой момент. И если выход из него в конституционализм, ограничивающий власть, будет, как и сегодня, восприниматься утопией, то реальностью может стать очередная «утопия у власти». Со своими сакральными целями и сакральным правителем, преодолевшим квазисакральность правителя нынешнего. И со своим похмельем, т. е. историческими результатами, которые будут погорше, чем распад СССР и его последствия. Запрос-то на это исподволь вызревает уже в самых разных слоях и кругах, его уже трудно не замечать, а вот запроса на альтернативу ему как-то не просматривается. В том числе и потому, что такая альтернатива не предлагается.

У меня нет полной уверенности в том, что прорыв к конституционализму в России, где его никогда не было, в обозримом будущем возможен. Тем более не уверен я в том, что такой прорыв был реален после распада СССР — ведь даже если бы Учредительное собрание было тогда созвано, не факт еще, что при тогдашнем состоянии общества и политического класса оно оказалось бы в состоянии выработать приемлемый для большинства конституционный документ. Плохо же то, что традиция институционально-правового мышления не была заложена в те времена и в интеллектуальной среде. А заложена не была потому, что советская интеллигенция была к этому по понятным причинам не подготовлена. Но почему она после всех полученных ею горьких уроков остается не восприимчивой к идее конституционализма интеллигенция постсоветская?

Причины, конечно, есть, и мы о них говорили. Конечно, и сегодня Конституционное собрание, созыв которого требуется для принятия новой конституции, может оказаться нежизнеспособным. Скорее всего, конфликт ценностей и интересов разных социальных групп за последние 20 с лишним лет не только не притупился, но углубился и обострился. Но это не основание для откладывания в долгий ящик самой мысли о конституционной реформе и широкого публичного обсуждения ее вариантов. Ведь можно ограничиться и внесением поправок в действующий Основной Закон, касающихся двух основных вопросов — распределения полномочий между ветвями федеральной власти и федеративного устройства, для чего созывать Конституционное собрание не нужно. И это тоже будет прорыв к конституционализму, так как именно в этих двух точках нынешняя Конституция с его принципами не совместима.

Ну и еще в публичном пространстве желательно обозначить ту развилку между конституционализмом и «утопией у власти», перед которой страна может оказаться в самом ближайшем будущем. Чтобы все могли соотнести свои ценности и интересы с этим возможным выбором.

— Но пока сложившаяся политическая система не выглядит такой уж уязвимой. И легитимность свою она худо-бедно обеспечивает, легко апеллируя к «большинству»...

— Легитимность эта, по-моему, неустойчивая. Она достигается, во-первых, за счет консервирования ситуации застревания страны в состоянии, когда главные проблемы, перед ней стоящие, не решаются, а лишь усугубляются. А во-вторых, обратите внимание вот на что. По всем опросам, большинство людей считают результаты выборов, проходящих в России, сфальсифицированными. Тем не менее, они соглашаются власть, избранную на таких выбо-

рах, считать властью, которой следует подчиняться. Почему, интересно? Что это такой за способ легитимации?

Очевидно, что веберовская классификация типов господства и легитимации (традиционная, харизматическая и рационально-легальная) здесь не работает. При желании тут можно обнаружить следы всех трех, но я сейчас на этом останавливаться не буду. Гипотетически же можно предположить, что в современной России легитимность власти определяется не способом ее получения, а самим фактом обладания ею независимо от того, как она получена — по наследству, захватом революционным харизматиком или на выборах, пусть и нечестных. Возможно, их нечестности не придается значения потому, что даже незаконное приобретение власти и обладание ею, как когда-то в Византии, воспринимаются как заслуга или, точнее, как вознаграждение за нее. Да, в отличие от Византии, речь идет не о заслуге военной, но все же с ней сходной. Если кто-то обладает силой и для того, чтобы фальсифицировать выборы, и для того, чтобы представить себя победителем в честной борьбе, то он и победитель.

Так вот, такой способ легитимации не представляется мне устойчивым и гарантированно воспроизводимым. Он уже дает сбои, что мы могли наблюдать в декабре 2011 года. Отсюда и лавирование власти в последнее время: от экспериментов с относительно чистыми выборами в отдельных регионах до попыток ценностной консолидации общества посредством апелляции к традиции как «духовной скрепе».

Но таких традиций, представления о которых сохраняются в сознании «подавляющего большинства», в России всего две: единоличная власть верховного правителя и военизация социума, в XX веке осуществлявшаяся через идеологическую «утопию у власти». И соблазн снова и на новый лад двинуться в этом старом направлении — в том числе, и посредством идеологизации Конституции — исключать нельзя. Тем более что симптомы уже налицо. Ну, а альтернативы ему, кроме утверждения конституционализма, я не вижу.

Да, сегодня она выглядит призрачной. Но если кто-то видит другую, то интересно бы узнать, какая же это альтернатива. Пока она не предьявлена.

О невыполнимом, которое невыполнимым не может быть признано (4 октября). Скорее всего, до украинских президентских выборов о минских соглашениях и всем, что так или иначе с ними связано, писать не придется. Сегодня Киев застраховал себя от возможных обвинений в их срыве, в очередной раз продлив до конца 2019 года действие закона об «особом статусе» местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей. Ожидаемого сопротивления со стороны Верховной Рады не случилось — призывы голосовать против, дабы не подыгрывать Кремлю и не попустительствовать российской агрессии, большинство депутатов всерьез не восприняло. И потому, что такого попустительства не усмотрело, и потому, что продление действия закона настоятельно рекомендовали в западных столицах, и потому, что оно ни к чему Украину не обязывает. Ибо в законе этом записано, что в силу он может вступить только после установления полного контроля над ныне не контролируемыми Киевом территориями.

Понятно, что Москву это не устроит, как не устраивало и раньше. Понятно также, что после сегодняшнего голосования в Верховной Раде Брюссель и Вашингтон по-прежнему будут на стороне Киева, а не Москвы. Тем более, что в Донецке и Луганске все же решили 11 ноября провести выборы глав и законодательных собраний ДНР и ЛНР. Зная, что не только в Киеве, но и в западных столицах квалифицируют это как нарушение минских соглашений, которыми само существование ДНР и ЛНР не предусматривается. Что сразу и произошло: именно так и оценили в Украине, Евросоюзе и США донецко-луганские решения, Рос-

сией санкционированные и поддержанные⁶. Таким своим шагом она давала понять, что никаких уступок от Украины и Запада в обозримое время не ждет, но и сама уступать не намерена, действуя без оглядок на договоренности и упреки другой стороны в пренебрежении ими.

Значит ли это, что после донбасских выборов, если они состоятся, Берлин и Париж минский и надстроенный над ним нормандский переговорные форматы официально похоронят? Вряд ли. Фактически они и так уже давно похоронены, идея международной миротворческой миссии, призванная их реанимировать, форматами этими не предусмотрена, но и по ней договоренности недостижимы. И, тем не менее, из невыполнимых соглашений односторонне никто, думаю, не выйдет. Ближе к 11 ноября протесты в мире против выборов станут, наверное, громче, как было перед аналогичными выборами в 2014-м, а потом, как и тогда, сменятся призывами выполнять минские соглашения по причине отсутствия им альтернативы.

Невыполнимое в силу несовместимости целей и интересов сторон сочтут целесообразным и впредь считать выполнимым, но не выполняющимся по вине той или другой стороны. Киев, Берлин и Париж будут считать виновной Москву, поддерживающей незаконные ДНР и ЛНР и своим военным присутствием на Донбассе попирающей суверенитет Украины, за что и наказываемой санкциями Евросоюза. А Москва не устанет повторять, что «нас там нет», и продолжит винить Киев за нежелание вступать с этими ДНР и ЛНР в прямые переговоры о политическом урегулировании ситуации. И ждать результатов президентских и парламентских выборов в Украине с надеждой, что власть там сменится, что сменщица окажется более сговорчивой, и с готовностью всеми доступными способами такой смене содействовать.

О патриотичном Петербурге (5 октября). Исполняющий обязанности петербургского губернатора намерен вывести город на «первое место по патриотическому воспитанию» [«Я тоже православный»...2018]. Наверное, регионам предстоит в патриотизме соревноваться. Наверное, известно уже, кто и по каким показателям будет определять победителя и призеров. Не с самим же собой предстоит конкурировать Петербургу под руководством и. о. губернатора и не самому же и. о. губернатора будет дозволено присваивать городу первенство.

Об анекдотичном (5 октября). Анекдотичного в жизни все больше, а анекдотов почти нет. Значит, анекдотичное не изжито.

Еще о кровавом уроке 1993-го (6 октября). Продолжаются дебаты о трагических событиях 1993-го. О том, кто в них виновен. Читать грустно, потому что в спорах этих вычитывается застревание в исторической трагедии и не вычитывается кровавое поучение. А оно в том, что монопольная власть соблазняет тех, кто ей противостоит, сменить ее монополией собственной. Монополию ЦК КПСС — монополией Съезда народных депутатов, монополию Съезда — монополией президентской. В событиях четвертьвековой давности, кого бы ни считать их виновником, нет ответа на вопрос о том, как избежать повторения трагедий. В них пока еще только вопрос. О том, как выбираться из политической монополии без ее воспроизведения в новых формах и лицах.

О завершении начала (12 октября). В 1991 году Украина отделилась от российской империи государственно. В 2014-м заявила об отделении цивилизационном. Вчера предопределилось отделение (оно же освобождение) церковное⁷. Украина завершает свое новое историческое начало. Чтобы начало продолжалось и завершилось новым историческим результа-

⁶ В назначенный день эти выборы состоялись, на них ожидаемо победили подобранные Москвой кандидаты (тех, кто мог им составить конкуренцию, до выборов не допустили). Так же ожидаемо выборы были признаны в мире незаконными и попирающими минские соглашения.

⁷ 12 октября 2018 г. Священный синод Вселенского патриархата Константинополя подтвердил, что Константинопольский патриархат приступил к процедуре предоставления автокефалии украинской церкви.

том, ей, как и раньше, потребуются национальная ценностная консолидация и воля. Чего украинцам желал и желаю.

О «тоталитаризме любви» и «праве на ненависть» (19 октября). Сказанное вчера президентом о достойных и недостойных попадания в рай [Выступая 18 октября...2018] — апелляция к определенной культуре. Несколько развязная, но это уж как водится. Но она не вопреки тому, что говорилось о культуре на Валдайском форуме людьми, имеющими к ней служебное либо профессиональное отношение.

Говорилось о том, что в культуре этой заложен «дух победительности», от которого производны «две национальные идеи — оборона и суверенитет». Плюс — со ссылкой на Достоевского — всемирная отзывчивость к культурно иному без пояснений, как она соотносится у Федора Михайловича с «духом победительности» и соотносится ли вообще. Плюс — опять же с отсылкой к Достоевскому — собственное понимание свободы и прав человека. Понимание более широкое и полное, т. е. более либеральное, чем в Европе, напуганной нацизмом и потому культурно сужающей понятие свободы, подменяя ее «тоталитаризмом любви», лишаящей человека священного права на ненависть. Чего в России, к счастью, сегодня не наблюдается [Тоталитаризм любви... 2018].

Разумеется, утверждается это не без оговорки насчет того, что чувство ненависти не должно сопровождаться насильственным действием. Но без соотнесения с тем, что тот же Достоевский говорил о превращениях, которые разные священные идеи и чувства претерпевают, попав на улицу. А соотнести не мешало бы. Иначе получается не просто достоевское, но достоевское, по умолчанию сочлененное с советским, вклад которого в массовое культивирование права на ненависть трудно переоценить.

У президента сочлененное по-своему, у деятелей культуры — по-своему.

Об объективациях и поучениях (24 октября). Невозможно слыть объективным. Не потому, что не хочется, а потому что любые объективации воспринимаются как обличение. Скажем, нынешний социально-экономический курс может быть описан, как законодательное предписание оплатить обещаемые и не гарантированные улучшения текущим и не фиксированным во времени ухудшением. Исключая тех, кто предписывает и обещает, а также их ближнего круга и групп поддержки. Объективно? Думаю, что объективно. А воспринимается, как обличение. Кем-то с одобрением, а кем-то — с неудовольствием. Так что да, прослыть объективным, соблазнам хулы и хвалы не подверженным, вряд ли может получиться. Даже если очень стараться. Реальность не позволит.

О господах из товарищей (25 октября). Что такое «новое дворянство»? Это сословие, чье господство не опосредовано заслугами, и чье рождение совпало по времени с его вырождением.

И снова о модернизации и модернизаторах (27 октября). Есть повод вернуться к тому, что в преддверии президентских выборов было названо стратегией «рывка». Потому что к этому вернулись рывок обещавшие. Теперь он переименован в «прорыв», а о том, чего от него ждать, и как он будет осуществляться, можно получить представление из стенограммы заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, состоявшемуся на днях под председательством президента [Заседание Совета... 2018].

Повторено — с некоторыми добавлениями — объявленное ранее, что к 2024 году Россия войдет в пятерку крупнейших экономик мира с темпом экономического роста выше среднемирового, в пятерку ведущих стран в области научных исследований и разработок и в десятку стран-лидеров в развитии цифровой экономики. Что инвестиции будут увеличиваться ежегодно на шесть процентов, а производительность труда возрастет за шестилетку на 20 процентов. Что технологическое перевооружение отраслей приведет к удвоению экспорта несырьевых товаров. Что доля малого и среднего бизнеса в экономике с нынешних 22 про-

центов возрастет до трети. И еще много чего намечено прорывного, о чем можно получить представление из упомянутой стенограммы.

Равно как и о том, что деньги на прорыв есть. Если летом в верхах спорили о том, где найти дополнительные восемь триллионов рублей в бюджет, то теперь это уже прошлое. Бюджетное (за счет основной массы населения) и внебюджетное (за счет бизнеса) финансирование прорыва составит 28 триллионов. От предписанной ему роли спонсора население пока не в восторге, и уже появились эксперты, сетующие на его неосознанность и неготовность поддержать реформаторские планы и программы, которые ради его же, населения, будущего блага. Эти массовые настроения и их возможная динамика участниками обсуждения не упоминались, но апелляции к обществу и надежды на его вовлеченность в преобразования, как водится, прозвучали. Почти ничего не говорилось и о том, что в самой государственной системе, которой отводится в осуществлении прорыва заглавная роль, заложен механизм блокирования перемен. О качестве управленческих институтов и судов, с прорывом плохо сочетаемых, вскользь упомянул Кудрин, о сохраняющейся, несмотря на обещанную либерализацию законодательства и некоторые другие меры, немотивированности предпринимателей на долгосрочные инвестиции сказал представляющий бизнес Шохин, но отклика их суждения не получили.

Однако некоторая озабоченность все же улавливается. И, прежде всего, у президента. Поэтому едва ли не ключевое слово в его выступлениях на совещании — контроль за исполнением намеченного. При опасении, что сотни контрольных показателей по каждому проекту могут обернуться невозможностью контроля. Но это озабоченность не архаичностью государственной машины, а приспособлением ее для решения задач, к которым она не приспособлена. Тем более, что ей предписывается осуществление радикального технологического обновления при ограниченных возможностях технологических заимствований, т. е. с опорой, прежде всего, на собственные силы.

Вдохновители и организаторы этого эксперимента не уверены, что все у них стопроцентно получится, а потому заранее заявляют о готовности запланированное по ходу выполнения корректировать. И еще бросается в глаза, что проекты власти мало кого интересуют, что, в свою очередь, может свидетельствовать об отчуждении от нее и несоотнесенности с ее планами и обещаниями представлений людей об их повседневной жизни.

О благоденствии честных тружеников (30 октября). Чтобы не забыть:

В. ПОЗНЕР (телеведущий):

— Кому на Руси жить хорошо?

А. СИЛУАНОВ (первый вице-премьер правительства РФ, министр финансов):

— Тем, кто честно работает [Познер, Силуанов 2018].

О вопросах и ответах (2 ноября). Прочитал: если жизнь не дает ответов на возбуждаемые ею вопросы, то незачем о ней и думать. Ну, почему же. Можно, во-первых, подумать о том, насколько вопросы адекватны жизни. Во-вторых, если тест на адекватность они выдержат, подумать о том, почему они безответные.

О технологическом дисциплинировании (5 ноября). Еще один мост обрушился — на сей раз в Ханты-Мансийском автономном округе. Двое погибших, семь пострадавших. Это становится повседневностью — что-то рушится, взрывается, тонет, горит. На земле, в воздухе и на воде. Похоже, ползучий обвал технологической дисциплины. Советское дисциплинирование с его отъемами партбилетов и билетами волчьими при монопольном работодателе свою инерцию исчерпало, вернуть его нельзя, а заменить нечем. По крайней мере, пока замены не нашлось. Найдется ли — вопрос. А если не найдется, то... что?

О политической системе и избирателях (7 ноября). Двухлетний американский спор между персоной и системой на сегодня завершился в пользу системы. Президентский прин-

цип доминирования, так импонирующий американскому и российскому президентам, отступил перед принципом парламентаризма. Потому что того пожелало большинство американских избирателей⁸. Есть страны, где история творится и периодически корректируется голосующими народами. Вопреки тому, что не везде и не всем это импонирует.

Об одном некогда знаменитом предупреждении (11 ноября). За несколько лет до начала события, столетие со дня окончания которого сегодня отмечается, один английский публицист написал книжку, которую сначала ни один издатель не хотел печатать. Европа жила уже в предощущении войны, а автор объяснял, что она никому не сулит выгоды, что не только побежденных, но и победителей ждут только убытки. И это воспринималось, как действие деморализации в условиях остро ощущаемой угрозы. А некоторое время спустя сокращенная версия этой книги, опубликованная автором за собственный счет небольшим тиражом и разосланная им в газеты, стала вдруг едва ли не самым читаемым политическим сочинением. Она издавалась огромными тиражами, была переведена на все европейские и не только европейские языки и широко обсуждалась в прессе и самых разных аудиториях.

Но война, тем не менее, случилась. Что свидетельствовало о том, что рациональные доводы бессильны там, где между странами и государствами нет доверия. Книга принесла автору всемирную известность, впоследствии, уже в 30-е годы он был удостоен Нобелевской премии мира, но цель, ради которой она была написана, оказалась недостижимой. И, в силу странной особенности человеческой психики, его сочинение, бывшее предупреждением против войны, как предприятия, для всех убыточного, стало восприниматься как ошибочный прогноз о **невозможности** войны.

Двадцатый век показал, что рациональные экономические доводы не в состоянии одолеть недоверие. Однако он же показал, что оно может отступить, не становясь доверием, когда война между ведущими военными державами грозит не просто экономическими убытками, а тотальным уничтожением жизни. Правомерно ли на этом основании утверждать, что разум победил войну — по крайней мере, глобальную — окончательно и бесповоротно? Пока можно только предполагать, гарантий нет.

А книжку, о которой речь, написал публицист Норман Энджелл. Она называется «Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций».

О поручении президента узнать, что в стране и со страной (13 ноября). Опять повод вспомнить советского правителя, который почти сразу после получения власти объявил о том, что правящие не знают страны, которой правят. С тех пор страна стала размерами и количеством людей меньше, но правителя — теперь российского — и почти через 20 лет правления может растревожить осознание ее незнания. После чего он публично обязывает подчиненных выяснить, почему трудящиеся повсеместно стали жаловаться на их действия, и что «не на бумажках», а «реально, в реальной жизни там происходит» [Путин поручил... 2018]. Может, выяснят и разберутся так, что жалобщикам станет лучше. А, может, и так, что впредь жаловаться расхотят.

О пире победителей (14 ноября). Посмотрел большой фрагмент документального фильма Виталия Манского «Свидетели Путина» — о выборах 2000 года. Точнее, о том, что происходило во время подсчета голосов и после объявления результатов голосования в выборном штабе Путина и в квартире Ельцина. Радость новоизбранного президента, не рискующего во избежание обмана что-то обещать, кроме обязательства «быть честным». Радость тех сподвижников Ельцина, кто Путину помогал, вел и привел к победе. Радость самого Ельцина и его семьи. Пир счастливых победителей, получивших свою власть, т. е. своего у власти. Верят, что авансированная честность в игре адресована им, а в создании правил игры

⁸ На выборах в Конгресс, состоявшихся 6 ноября 2018 г., большинство в Палате представителей получила Демократическая партия, что лишило президента Трампа контроля над палатой.

они будут соучастниками. И два долгих выразительных кадра. Напряженно-сосредоточенный взгляд Ельцина, когда он смотрит и слушает ТВ-комментарий поверженного им Горбачева по итогам выборов. И его же напряженно-растерянный взгляд после того, как он, поздравив Путина с желанием того поздравить, получил чье-то обещание, что Путин ему перезвонит, но — не перезвонил.

Что побеждало в ту ночь, никто из победителей еще не знал.

Об обвинениях других в необразцовости (17 ноября). С 2014 года наблюдаю феномен, который можно назвать изводом посткрымского российского либерализма. Он в том, что люди декларируют солидарность с европейским выбором Украины и желание ей успеха, но при этом избегают говорить о роли России в происходящем у соседей, об аннексии Крыма и войне на Донбассе. Как и о том, кому они в этой войне сочувствуют и желают победы.

Они говорят, что хотели бы видеть Украину примером экономического и политического реформирования для России, но при этом упрекают соседнюю страну в том, что она таким примером не стала, ибо плохо управляется, а ее руководители ведут себя так, что помогают укрепляться кремлевскому режиму [Травин 2018]. О том, в чем именно видят такое пособничество, и чем именно украинская политика мешает российским либералам, эти люди не рассказывают. О том, что сделано в Украине после Майдана, молчат тоже. Их, похоже, и не интересуют происходящие в ней перемены, не интересуют ее историческое движение, осуществляемое в сотрудничестве с Западом и при его требовательной поддержке, как не интересуют и сам прецедент реформирования системы постсоветского типа, существенно отличной от системы советской, со всеми его удачами и сбоями. То есть, вне внимания именно опыт преобразований и их в этом опыте проблематизация, а внимание только к тому, что в Украине плохие политики, а потому она для России не пример.

Возможно, российские критики, будь на месте тех политиков, давно бы уже европейскую Украину выстроили. Но что бы они делали на месте критикуемых в воюющей стране, почему-то не сообщают. А когда им дают понять, что их обличения созвучны кремлевской антиукраинской пропаганде, обижаются: она, мол, за Путина, а мы против. А я думаю, что говорить об Украине, России противостоящей, то же самое, что говорит Путин, т. е. неправду или правду частичную, значит, поддерживать Путина в его дезориентации российского населения.

Любопытно, кстати, что ряд стран Восточной Европы, по уровню жизни от России в свое время оторвавшихся, примером для нее не стали. Откуда же надежды, что примером в случае удачи может стать Украина?

О мере величия и духовности (21 ноября). Последние казусы с чиновниками и депутатами — симптомы трудностей, испытываемых ими в общении с народонаселением. Ему надо объяснять, почему ему живется не столь весело и вольготно, как его руководителям, а объяснений не придумывается. Давно ждал, кто первым вспомнит и напомним ему о войне. Первой стала сенатор Лахова — восхитилась сохранившейся повышенной разумностью и светлогловостью войну переживших и предположила, что именно бывшие «стрессы и лишения тому причиной» [Сенатор, говоря о... 2018]. Война — предписанная мера величия всех и нестяжательной духовности каждого. Можно сказать, мера национальной идентичности. Похоже, однако, что применительно к мирной повседневности мера эта теми, кому предписывается, уже отторгается. И потому г-же Лаховой после не очень доброжелательной общественной реакции на ее суждение пришлось убеждать публику в том, что она не помышляла примирять соотечественников с низким уровнем жизни ссылками на лишения и невзгоды, вынесенные их отцами и дедами в войну [Сенатор Лахова... 2018]. Но с какой стати ей вспомнилась война в разговоре о прожиточном минимуме и продовольственной корзине, не сказала. Трудно сего-

дня выборным и назначенным начальникам, нет у них общего языка с теми, кого хотели бы удерживать в терпении и послушании. Поэтому будут, скорее всего, новые казусы.

Еще о либеральной неправде про Украину (23 ноября). Ширятся ряды российских либералов, оповещающих соотечественников о том, что в Украине за пять лет после Майдана ничего реформаторского не сделано [Поход Украины... 2018]. Совсем ничего. А когда им говорят, что что-то все же сделано, не реагируют. Совсем не реагируют. Даже на то, что экономический рост в соседней стране, которая без нефти, заметно выше, чем в их стране с нефтью. Или на международные финансовые кредиты, которые Украина получает, а при отсутствии реформ не получала бы. Если бы говорили, что в Украине многое пока не удалось, если бы говорили, что конечный успех все еще не гарантирован, это было бы похоже на правду. А ничего не сделано — это ложь. Когда она транслируется российским ТВ, причины можно понять. А когда она распространяется либеральными вроде бы оппозиционерами, понимание их мотиваций мне недоступно. Сами-то они осознают, зачем дезинформируют своих читателей и почитателей? Зачем незавершенный, но не свернутый и продолжающийся процесс хотят представить итоговым негативным результатом?

О персональном и системном патернализме (24 ноября). Президент в очередной раз напомнил о том, что властям «нужно добиться прорыва» [Расширенное заседание... 2018]. И повторил: «именно прорыва». Но незаметно, чтобы широкие народные массы этим рефреном возбуждались и вдохновлялись. Такое впечатление, что они его не слышат. Похоже, они заметили, что денег у них заимствовать стали больше, чем раньше, а к тому, что заимствуют на прорыв, т. е. для их же блага, обнаруживают глуховатость. Выглядит все так, что власть с ее планами и проектами сама по себе, а народонаселение — само по себе, т. е. в глубоком от власти отчуждении.

Президент видит проблему и намечает стратегию ее решения. Решение, насколько можно судить, видится в очеловечивании бюрократии, в смещении ее внимания с формальных количественных показателей казенной отчетности, ничего не говорящих о состоянии и настроениях конкретных людей, на заботу об этих конкретных людях. «Понимаете, — сказал президент на расширенном заседании президиума Госсовета, — нам нужно не формулировки красивые и гладкие формулировать и писать на бумажке, а нужно, чтобы всё это было в жизни, чтобы изменения дошли до каждого человека, чтобы люди это почувствовали ... и на уровне жизни, на уровне заработной платы, на пенсиях. Чтобы это тоже были не средние показатели, усреднённые, а чтобы это было, как мы с вами знаем и как это важно для людей, чтобы это были реальные деньги, а не какие-то проценты усреднённые» [Расширенное заседание... 2018].

Насколько опять же можно понять, спускается установка на преобразование персонального президентского патернализма, так выразительно проявляемого во время «прямых линий», когда глава государства фиксирует просьбы отдельных сограждан и лично обеспечивает их удовлетворение, в патернализм системный, т. е. на всех этажах властной вертикали. Если так, то интересно, как это будет выглядеть, и что из этого может получиться. Я имею в виду, удастся ли управляющим по призыву своего лидера породниться с управляемыми и помочь им поверить, что прорыв за их счет и прорыв в уровне и качестве их жизни — одно и то же.

О мечте Ходорковского (25 ноября). Михаил Ходорковский рассказал, какой видится ему «Россия нашей мечты» [Ходорковский 2018]. Из рассказа видно, как трудно российской несистемной оппозиции сочленять риторику, позволяющую претендовать на власть, с описанием желаемого устройства этой власти.

Претензия на власть требует отмежевания от либерализма и либералов, но желаемое устройство приходится описывать, используя весь набор терминов из либерального лексико-

на. Что Михаил Борисович и делает. Претензия на власть требует, далее, не злоупотреблять словом «демократия», в широких электоральных массах ассоциируемой с рыхлостью власти и сочувственного отклика не находящей. Но желаемое устройство, учитывая, в том числе, и ориентацию на поддержку Запада и сотрудничество с ним, приходится описывать, как альтернативное авторитаризму и демократическо-правовое.

Эти две установки совмещаются у Ходорковского в идее «сильного правительства», формируемого парламентским большинством. Что уже вызвало безответные вопросы. Типа того, каким образом в «России нашей мечты» будет гарантирована сила правительства, если природа парламентского правления его не гарантирует?

Можно предположить, что в усилении правительства предусматривается и какая-то роль президента, но об этом ничего не говорится, как не говорится и о том, предусматривает ли мечта воспроизведение президентства, как такового.

Можно предположить также, что тут расчет на какие-то влиятельные общественные силы, которые заинтересованы именно в сильном правительстве, постоянно свою силу воспроизводящем. В рассказе Михаила Борисовича названы две такие силы — крупный бизнес, переведенный из сращенного с властью олигархическо-коррупционного существования в существование конкурентное, и мегаполисы. Но это, в свою очередь, переводит вопрошания из области мечты в область реальности, а именно — так ли уж озабочен крупный бизнес освобождением от властной опеки, монополизма и коррупционных практик, а мегаполисы... а мегаполисы, кроме непомерно разбухшей Москвы, как признает сам Ходорковский, еще слабы, их еще развить надо, подтянуть до субъектности.

Однако тут ведь очередной вопрос выплывает о том, кому предстоит подтягивать. И в данном случае представление Михаила Борисовича о реальности таково, что, кроме центрального правительства, делать это некому, а потому демократия не должна быть абсолютной, т. е. должна стать привилегией центра, на регионы не распространяясь. Такой вот федерализм, к утверждению которого политик призывает, без демократии на местах.

Я сейчас не о том, хорошо это или плохо. Я о том, может ли обрести силу демократическое правительство без демократии на местах. Или, что то же самое, благодаря ее отсутствию. И еще о том, что происходит, когда несистемная оппозиция пытается сочетать притязания на власть с одновременным учетом своеобразия российской социальной и культурной среды, мирового контекста и прогнозированием своего поведения в случае обретения этой власти.

Об учете и контроле (30 ноября). Странно, но общественность не расположена вникать в занятия власти, которая завершает подготовку к предписанному президентом и распisanному по отраслям технологическому и социально-экономическому прорыву. Изыскав источники его финансирования (28 трлн рублей на шесть лет) посредством давления на бизнес и рядовых работников, правительство распределяет теперь деньги по регионам, каждому из которых предстоит пройти свой путь к общей цели, начертанной в президентском указе от 7 мая текущего года. Но президент отдает себе отчет и в том, что начальство всех рангов и уровней потребует не только мобилизовать, но и проверять, на то ли тратит оно полученные ресурсы, и добивается ли тех результатов, которые запланированы. Поэтому повторяет снова и снова:

«Здесь нужно понимать, что и как будет делаться в регионах на эти деньги, нужно не только направлять эти ресурсы, но и быть уверенными, что эти ресурсы будут эффективно потрачены, и наладить соответствующий строгий контроль за выполнением поставленных задач. Потому что, еще раз это повторю, наша задача — не освоить эти деньги, не отчитаться на бумаге, а повысить уровень жизни граждан Российской Федерации, придать новый импульс развитию экономики страны» [Совещание... 2018].

Президент понимает, что в созданной им системе его планы некому выполнять, кроме чиновников. Что иного управленческого способа осуществления прорывов, чем использованный во времена советской индустриализации, в системе такого типа не заложено. И, как и в те времена, способ этот не может сводиться к контролю одних чиновников над другими. Поэтому президент не только одобряет (на позавчерашнем совещании с членами правительства) создание специальной комиссии, которая в режиме еженедельного мониторинга будет отслеживать осуществление прорыва по всей стране, но и обращается на следующий день к Общероссийскому народному фронту с призывом стать еще одним контролером, без которого успех прорыва проблематичен:

«...Без общественного, широкого общественного контроля за тем, что делается, как делается и каковы результаты, добиться этих результатов будет практически невозможно. Это можно сделать только с вашим участием» [Съезд... 2018].

Что получится из этой мобилизации начальства сверху и снизу, учитывая, что и низкой «широкий контроль» тоже сверху, ибо подконтролен президентской администрации, сегодня вряд ли кто скажет. Конечно, какие-то результаты будут. Если система в состоянии построить крымский мост и олимпийские объекты, то она сможет хотя бы частично выполнить и новое предписание. В какой мере, увидим. Но насколько удастся внушить людям чувство, что прорыв для них и ради улучшения их повседневной жизни, пока вопрос. Пока шевеления во власти и ее обещания население не жалуется даже своим вниманием.

А насчет того, что прорыв этот «придаст новый импульс развитию экономики», — вопрос, на который можно предсказать и ответ. В системе, о которой речь, мыслимо административно насаждаемое движение к каким-то целям, но импульсов и мотиваций саморазвития в нем возникнуть не может, а потому и неоткуда им появиться и после достижения этих целей, что и можно было наблюдать после той же советской индустриализации.

Выступая 18 октября... 2018. Выступая 18 октября 2018 г. на Валдайском форуме, В.Путин сказал, что в случае ядерной войны «мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаться не успеют». См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай». — *Президент России*. — 18 октября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>. — Проверено: 5.12.2018.

Заседание Совета... 2018. Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. — *Президент России*. — 24 октября. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894>. — Проверено: 5.12.2018.

Познер В., Силуанов А. Познер. — *Первый канал*. — 29 октября. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=qaj3ANz8RXU>. — Проверено: 5.12.2018.

Поход Украины... 2018. Поход Украины за демократией Кирилл Рогов назвал пшиком, а саму Украину — реформы проводить не способной. — Рогов К. Стратегия выхода. — *Эхо Москвы*. — 23 ноября. — Доступно: https://echo.msk.ru/blog/rogov_k/2320416-echo/?fbclid=IwAR2kkPT_8bEZk5MuEPiYNYBDsJbJcWnNib8bjMhv7GS-NGyRrCH7ru_DCCg. — Проверено: 5.12.2018.

Путин поручил... 2018. Путин поручил Медведеву вникнуть в реальную жизнь россиян. — *Lenta.ru*. — 12 ноября. — Доступно: https://lenta.ru/news/2018/11/12/mnogo_nologov/?fbclid=IwAR2yz6ev9GgKlKA1eNdxfeWqbi06roK5C_uCccJaYV44d3KRumwca_id8aQ. — Проверено: 5.12.2018.

Расширенное заседание... 2018. Расширенное заседание президиума Государственного совета. — *Президент России*. — 23 ноября. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59186>. — Проверено: 5.12.2018.

Сенатор Лахова... 2018. Сенатор Лахова заявила, что журналисты вырвали из контекста ее слова о ветеранах войны. — *ТАСС*. — 20 ноября. — Доступно: <https://tass.ru/obschestvo/5814703>. — Проверено: 5.12.2018.

Сенатор, говоря о... 2018. Сенатор, говоря прожиточном минимуме, предположила, что голод в военные годы пошел людям на пользу. — *Росбалт*. — 20 ноября. — Доступно: <https://www.rosbalt.ru/russia/2018/11/20/1747577.html>. — Проверено: 5.12.2018.

Совещание... 2018. Совещание с членами Правительства. — *Президент России*. — 28 ноября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/59221>. — Проверено 5.12.2018

Съезд... 2018. Съезд Общероссийского народного фронта. — *Президент России*. — 29 ноября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/59260>. — Проверено: 5.12.2018.

Тоталитаризм любви... 2018. Тоталитаризм любви: как остаться собой в меняющемся мире. — *Валдай*. — 16 октября. — Доступно: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/totalitarizm-lyubvi> Проверено: 5.12.2018.

Травин Д. 2018. — *Фейсбук*. — 16 ноября. — Доступно: <https://www.facebook.com/dtravin61>. — Проверено: 5.12.2018.

Улицкая Л. 2018. «Россия никогда так хорошо не жила, как сейчас». — *OstWest*. — 30 сентября. — Доступно: <https://www.facebook.com/OstWest.TV/videos/vb.1726481557624193/1933355273633959/?type=2&theater>. — Проверено: 5.12.2018.

Улицкая Л., Сокуров А. 2018. Эволюция человека. — *Открытая библиотека*. — 25 августа. — Доступно: <http://open-lib.ru/dialogues/ulitskayasokurov>. — Проверено: 5.12.2018.

Ходорковский М. 2018. Мое выступление на конференции «Россия вместо Путина» (провокационное). — *Эхо Москвы*. — 24 ноября. — Доступно: https://echo.msk.ru/blog/mbk313373/2321320-echo/?fbclid=IwAR1sMo5qxq-P4KDli73EouPJxv_O4t9mq-NrBiEuf5NzI9665sSm9R9Dg3I. — Проверено: 5.12.2018.

«Я тоже православный...» 2018. «Я тоже православный и тоже этим горжусь». Беглов позвал Полтавченко на чай и обещал вывести Петербург на первое место по патриотическому воспитанию. — *Фонтанка.ru*. — 5 октября. — Доступно: <https://www.fontanka.ru/2018/10/05/042/>. — Проверено: 5.12.2018.